

Вместо предисловия

Большое видится на расстоянии. Это воспоминания сквозь призму времени, когда я стала уже очень взрослой, когда пришло осознание и понимание того счастья, которое мне подарила судьба. Жить и взрослеть среди людей, одержимых великими мечтами и целями, дерзких, смелых, горячо любящих Родину, рискующих жизнью и преодолевающих трудности, – это огромное везение.

Так планеты сошлись. Папа стал космонавтом второго набора в январе 1963 года, и с этого времени я жила и развивалась вместе с отечественной пилотируемой космонавтикой, среди великих людей, которые осуществили прорыв жителей планеты Земля в космос и продолжили его освоение.

«Космическая семья», о которой я пишу, – это не фигура речи. Это именно семья. Это заблуждение, что космонавтов стало много, а полёты привычны и рутинны. Каждый полёт – особенный и опасный. Эта профессия и до сих пор остаётся редкой и штучной, приблизительно один из четырнадцати миллионов жителей Земли ею владеет.

Возможно, что личных местоимений очень много в тексте, но без них трудно обойтись. Кому-то покажется, что дети первых космонавтов жили особенной жизнью, а кто-то решит, что наше детство ничем не отличалось от его и других советских детей. И то и другое будет верно.

Звёздный

В Звёздный городок мы переехали весной 1966 года, когда мне ещё не исполнилось и шести лет. Сам переезд у меня в памяти остался за кадром.

Городок был очень маленький, всего четыре дома: наши две башни, «вставка» между ними (банкетный зал, бильярдная, кинозал и музыкальная школа), две пятиэтажки, самые первые, рядом с ними, напротив, одноэтажный небольшой кирпичный продуктовый магазин на два отдела с разными входами. Первый, где продавали продукты – мясо, колбасы, бакалея, хлеб, молоко и кондитерские изделия. Второй – соки-воды, овощи-фрукты и винно-водочный отдел.

Кроме описанного выше, существовал маленький отдел, буквально на полтораметровый прилавок, в том же здании, который назывался в соответствии с размером – «Стол заказов». Космонавты пару раз в месяц пользовались им: там можно было купить «дефицит». Это были не «продукты и товары повседневного спроса» (такая надпись часто была в деревенских магазинчиках), а сугубо «представительские» – чёрная икра, осетрина холодного (балык) и горячего копчения, красная икра и рыба. Приобретали импортное спиртное и напитки – виски, джин, даже тоник и содовую – космонавтов нередко посещали высокопоставленные гости, включая иностранцев.

Самым интересным и привлекательным для нас, детей, в «продуктах» были, естественно, конфетные витрины, где ещё продавались и «восточные сладости» (правильно, конечно, «сласти», но уж так у нас прижилось) – разные шербеты (очень нравился фруктовый), «сливочное полено» (весьма мною уважаемое в детстве), мармелады железные (на агар-агаре) разных видов и цветов – от фруктовых до двухцветной «Балтики», большие жёлтые, зелёные и розовые леденцы на деревянной палочке в виде большого вытянутого листика – по четыре копейки за штуку.

Ещё завораживала витрина с тортами и пирожными: эклеры, корзиночки, трубочки, бисквитные с кремом и т. д. Качество – отменное, всё производства московских кондитерских фабрик. Пирожные были маленькими и большими, по одиннадцать копеек и по двадцать две, но потом как-то незаметно те, что были по одиннадцать, стали по пятнадцать – наверное, для удобства счёта (пишу и сама смеюсь, вспоминая М. Жванецкого). Я предпочитала миндальное, не из арахиса, как сейчас, с миндальной эссенцией, а из миндальной муки.

Шоколадом нас было не удивить (папам выдавали в рационе шоколадки ежедневно), но мы с удовольствием покупали пористый шоколад – «Слава» и «Конёк-Горбунок» в очень красочной обёртке – парящий между Солнцем и Луной среди Звёзд над стилизованным древнерусским городом Конёк с Иванушкой, в традиционном русском народном кафтане, на ярком синем фоне – фабрика «Красный Октябрь».

Вообще этикетки конфет нашего детства – целое художественное произведение искусства. Мы тогда все собирали красивые фантики от конфет. Очень была популярна игра в фантики. Особым образом свёрнутые «квадратики» или «треугольники» с руки кидали на другие обёртки, и чем большую площадь «чужих» фантиков, рассыпанных по поверхности (стола, лестницы, скамейки) захватывал или касался твой, тем больше ты выигрывал очков – фантиков. Очень был популярен обмен: некоторые конфетные обёртки шли аж одна за две, за три – самые редкие, которых было мало. Хранили их в заветных шкатулках – картонных коробках от шоколадных конфет или круглых жестяных, диаметром сантиметров десять-двенадцать, от монпансье-ландрин, маленьких фруктовых леденцов.

Мы покупали и «заморский» шоколад, что ни на есть самый настоящий «аглицкий», «мэйд ин оттуда», он поставлялся в СССР в 60–70-х годах и был в «свободной» продаже, то есть лежал на прилавках магазинов у нас в Звёздном и в Москве. Плитка молочного шоколада «Кэдбери» весила восемьдесят граммов (наша большая плитка – сто) и стоила дороже почти втрое. У этого шоколада были очень красивые и привлекательные этикетки – сине-серые и сиренево-серые, а шоколад – с целым черносливом или фундуком в каждой дольке с фирменной надписью.

Сказать, что он по вкусу нам нравился больше нашего, так нет – отличался немного от советского молочного, например «Алёнки», но – ни лучше и ни хуже, просто другой. Привлекательным было необычное присутствие чернослива, целых орешков и их сочетание с самим шоколадом. Я и по сию пору остаюсь поклонницей отечественного качественного шоколада – вкусовые привычки детства.

Особой популярностью у нас (более пятидесяти лет назад!) пользовались кукурузные хлопья, нынче именуемые «корнфлекс», на импортный манер. Продавались в картонных пачках по восемь копеек – с сахаром и ванилью, по пять копеек – без всего. Мы, естественно, предпочитали с сахаром. После того как съедали хлопья, переворачивали пачку и топали по ней ногой – она сминалась с лёгким хлопком, и только тогда её отправляли в урну. Современные аналогичные хлопья по качеству и вкусу неизмеримо хуже тех, что мы ели в детстве, – жёстче, грубее и не такие «заглазуренные».

Еда на улице категорически не приветствовалась. Хлопья – это то небольшое, что нам разрешалось съесть не дома. Исключение составляли также конфеты и мороженое. Если мы были в Москве, то на Ярославском вокзале по дороге домой нам могли после долгих наших уговоров и канючения купить жареный, густо промасленный «вокзальный» пирожок с повидлом. Дело было в нашей пищевой безопасности: «слишком жирный», «может быть не свежим», «руки грязные» и т. п. – чтобы ребёнок не отравился. Такого, как сейчас, вечно что-то жующего на ходу народа в нашем детстве не припомню ни в Звёздном, ни в Москве (на отдыхе на море это присутствовало – семечки, сладкая вата, кукуруза, орехи, пирожки и т. п.).

Среди молочных продуктов у детворы популярны были глазированные и ванильные творожные сырки с изюмом. Про молоко и хлеб надо добавить, что где-то в начале семидесятых нам даже из магазина привозили на дом молочные продукты и хлеб – не надо было идти в магазин. Кстати, в Москве тоже практиковалась такая «выездная» форма торговли, во всяком случае в Чертаново, где жили

родственники. Из соседнего «Молочного» привозили во двор дома, а стоило всё на одну копейку дороже. Например, сырок глазированный не пятнадцать, а шестнадцать копеек, что было не накладно. В Звёздном такая услуга была без наценки, нашим обеспечением занимался Военторг.

Родители частенько отправляли нас с поручением купить «к ужину граммов двести колбаски» – «Докторской», «Любительской», «Чайной», «Молочной», «Телячьей», «Языковой», могли «заказать» полукопчёную – «Краковскую», «Одесскую», «Украинскую» – в зависимости от настроения. Мы покупали колбасы не батонами и килограммами, а к ужину, да чтобы хватило на завтрак. Папы питались, кроме выходных и праздников, в лётной столовой, а иногда и семьи приглашали туда на воскресный обед, чтобы мы могли попробовать, чем и как их там кормят. Было очень вкусно – особенно запомнились пельмени и пирожки.

Среди хлебобулочных изделий нам нравились бублики с маком по пять, калорийные булочки по десять, булочки с маком или с повидлом по семь-восемь копеек, «марципан» – самая большая и «дорогая» булка – аж четырнадцать стоила. Она была с орехами в марципане внутри и сверху. Уважали мы и вкусные «ромовые бабы»: с шоколадной или помадной белой глазурью – сочные, влажные, мягкие, пропитанные сиропом – «а-ля» ромом.

Могли просто купить свежую городскую булочку за семь копеек, с гребешком, бабушка, «старорежимный» человек, её называла французской. Ну а мы – городской, как на ценнике. Любили ещё горчичный и кукурузный хлеб. Особенностью хлеба нашего детства было то, что он достаточно быстро черствел, а если вдруг плесневел, то только белой «пенициллиновой» крапинкой, а не как сейчас – чёрно-жёлтой мохнатой порослью.

И ещё немного о хлебе. Очень нравился нам просто кусок чёрного хлеба, политый растительным маслом, чуть посыпанный сверху крупной солью. И большим искусством было всё это проделать, чтобы взрослые не заметили, выйти во двор и жевать этот хлеб во дворе, на зависть окружающим. Если тебя дома заметили бы за этими манипуляциями, то обязательно усадили бы за стол и не позволили «кусочничать» на улице.

Нам, естественно, всего хватало, и даже больше, но дети оставались детьми: самым вкусным для нас казался хлеб, который выдавали солдатам, которые служили в Звёздном срочную службу и жили в казармах на окраине городка. Мы туда совершали «походы», а ребята-срочники нас угощали прямоугольными кусочками очень свежего своего серовато-ноздреватого «солдатского» хлеба из собственной пекарни.

Родители пришли в ужас, узнав о наших «набегах на казармы», категорически запретили «попросить и объесть солдатиков». Мама, которая работала на центрифуге вместе с супругой персонального водителя Ю. А. Гагарина, служившего прапорщиком в части и получавшего продуктовый паёк, куда в том числе входил и «кирпичик» солдатского хлеба, даже просила её, чтобы она для меня иногда приносила четвертинку этого хлеба. Сейчас это вспоминается с улыбкой.

В «водах-соках» покупали лимонад в стеклянных полулитровых бутылках – «Дюшес», «Буратино», «Вишнёвый». Стоил тоже недорого – шестнадцать копеек, если принесёшь бутылку на обмен. Мы бутылки не выбрасывали, как сейчас, а сдавали при покупке молока или газировки. За лимонадом себе сами бегали. Родители лишь напоминали смотреть, чтобы не было осадка в напитке. В нашем детстве лимонады были натуральными, срок годности составлял не более пяти-шести дней. О качестве продуктов не задумывались, всё выпускалось в соответствии с ГОСТом, только беспокоились о свежести и правильном хранении.

Я так подробно описываю продукты и цены, чтобы читатели, которым «не пришлось жить в эту прекрасную пору», поняли, что это были совсем недорогие лакомства для обычного советского ребёнка того времени, если только речь не шла о шоколадных конфетах и деликатесах, которые покупались обычно к праздникам. На школьный завтрак нам выделяли пятнадцать или двадцать копеек, что вполне хватало на булочки и чай.

Новоселье

Моя «официальная» жизнь в Звёздном, которую я уже хорошо и осознанно помню, началась с лета 1966 года, после торжественного новоселья. Это был феерический праздник, его можно по степени накала эмоций и радости сравнить только с латиноамериканским карнавалом. Воспоминания о ново-

селье в Звёздном в моей памяти затмевает все фиесты, которые мне пришлось видеть потом в своей жизни.

Был солнечный, тёплый, почти жаркий, летний день. Наши родители находились в очень приподнятом и праздничном настроении с раннего утра, очень красиво оделись и нас нарядили. Царила, можно сказать, звенела, атмосфера огромной радости и какого-то счастливого ожидания прекрасного. Естественно, это всё передалось и нам, детям. Дом просто гудел. Звучала громко музыка, от которой пела душа и жизнь становилась ещё прекраснее, чем она была, а будущее, которое строили и прокладывали наши родители, манило своей загадочностью.

Мы, дети, объединившись в группки-стайки, носились по всем одиннадцати этажам. У каждой квартиры стоял небольшой столик, чаще всего журнальный, сервированный конфетами, печеньем, фруктами, маленькими пирожными, пирожками, разными коньяками, винами, шампанским, лимонадом, минеральной водой, соками, а к этому великолепию прилагались – рюмки, красивые стаканы, десертные тарелочки стопочкой. Витал по дому «запах праздника» – смешанный аромат прекрасных армянских и молдавских марочных коньяков, фруктов, шоколада, выпечки.

Этот аромат «праздника из детства» навсегда у меня в памяти. Потом точно такой всегда чувствовался на первом этаже в доме на Новый год или во время каких-либо торжественных встреч или мероприятий во вставке. Иногда и сейчас «праздничный аромат» напоминает мне о беззаботном детстве – на некоторых приёмах или фуршетах по случаю «космических дат», навевая чудесные воспоминания о том, когда родители были молодыми, деревья большими, а мы – детьми.

Приехали высокопоставленные гости. Их было очень много. В гражданской одежде и военной форме, солидные такие дяди – старше наших родителей, по виду и возрасту – ровесники нашим бабушкам, потому что дедушек у нас почти ни у кого не было. Мало осталось в живых к этому году мужчин из-за страшной войны, в которой победил наш народ: помню папу тёти Светы Леоновой¹, который бывал у неё в гостях, а потом, в начале семидесятых – деда Мишу, отца Г. М. Гречко², с которым мы часто отдыхали вместе, когда Георгия Михайловича и папу поставили в экипаж.

Среди гостей особенно выделялся усатый «пожилой» военный в белой форме, с золотыми нашивками и огромными золотыми погонами с красивейшими звёздами на них. Мы привыкли к военной форме, не раз видели своих отцов и в повседневной, и в парадной. Но такую красоту военного мундира и так близко – впервые. Он улыбался нам, гладил по голове, о чём-то спрашивал и с неподдельным интересом слушал наши ответы. Мы с любопытством рассматривали его китель с яркими орденскими планками. Потом, будучи достаточно взрослой, увидев фотографии, где мы с Викой Леоновой³ и с этим военным стоим перед домом, я спросила маму о том, кто это с нами или с кем это мы. Оказалось, что это был легендарный Маршал Советского Союза – Маршал Победы – Иван Христофорович Баграмян. Ему, человеку, принёсшему нам столь долгожданный мир, видимо, было интересно узнать, чем дышат, о чём думают и чем живут эти юные создания через двадцать лет после Великой Победы, ровесники его внуки, ради счастья которых отдали жизнь миллионы наших солдат. Вот почему маршал так внимательно с нами общался.

Эта большая делегация спускалась пешком с одиннадцатого этажа до первого в сопровождении космонавтов во главе с Юрием Алексеевичем Гагариным, руководства Звёздного, с которым мы, конечно, были знакомы, некоторые из них тоже жили в нашем доме и работали в военной части, тогда закрытой и секретной. Нас научили, что если вдруг мы где-то потеряемся, то в милиции надо сказать, что родители работают в этой части, назвать не свой домашний адрес, а именно номер. Он в моей памяти навсегда – в/ч 26266 – как детский стишок.

Мы шумной ватагой сопровождали гостей по всем этажам, но никто на нас не шикал, не делал замечаний, все только радовались и улыбались. Взрослые останавливались на каждом этаже, там их встречали наши папы и мамы, предлагали угощенье. Гости старались никого не обидеть – что-нибудь обязательно пригубляли символически, что-то брали в качестве угощения. Говорили какие-то слова, наши молодые красавицы-мамы в ответ улыбались, отцам пожимали руки, иногда спрашивали разрешения зайти в квартиру, их с удовольствием приглашали.

¹ Супруга лётчика-космонавта СССР А. А. Леонова.

² Лётчик-космонавт СССР Г. М. Гречко.

³ Старшая дочь лётчика-космонавта СССР А. А. Леонова.

Наконец, обход дома закончился, все собрались перед домом, постояли, поговорили, сфотографировались сами и пофотографировали нас. На территории части и Центра подготовки космонавтов – на берегу небольшого озера – были накрыты столы, куда все гости и родители поехали на автобусах. Мы, дети, разошлись по домам, но, как оказалось впоследствии, – не все.

Моя подруга Таня¹, за которой должен был приглядывать её старший брат, крутилась возле автобусов. Одна из наших соседок пригласила её с собой, и Танюшка залезла в автобус. Андрей² тщательно ей кричал, чтобы сестра этого не делала, но автобусы с родителями, машины с почётными гостями колонной уже тронулись, отправившись по месту назначения.

Когда они приехали на озеро на территорию части, выгрузились из автобусов и сели за столы, папа с мамой, которые ехали другим транспортом, с удивлением обнаружили, что их дочь тоже прибыла с ними и сидит за столом рядом с соседкой. Они позвали Танюшку к себе, поинтересовавшись, как она оказалась со взрослыми. Праздник продолжился на природе, подруга побыла какое-то время со взрослыми на пикнике, поела шашлыков, а потом её отправили домой, к брату.

Мы были «космической семьёй». У нас в доме даже первое время двери закрывали только тогда, когда уходили из дома, поэтому то, что Таню позвали с собой, а она поехала – это было вполне нормально и естественно. Любой из взрослых мог тебе помочь, накормить, позаботиться или сделать внушение – это было почти равнозначно родителям.

Веселится и ликует весь народ

Самый главный праздник детства – Новый год. Во всяком случае для меня. Даже был главнее дня рождения. Когда меня спрашивали о самом любимом празднике, то я не задумываясь отвечала, что «ёлочка» и «когда куличи пекут и яйца красят». Я не знаю почему, но Новый год просто обожала.

У нас всегда были натуральные ели. Папа приносил домой ёлку (а был год, что и две, когда я болела – мне и брату в комнаты), мы готовились к установке. Ставили ведро с песком, отец обрубал ненужные ветки и подрубал ствол, а я брала эти изумительно пахнущие смолой, свежестью и морозом веточки-лапки, растирала иголки пальцами, чтобы усилить волшебный запах праздника. Переворачивали табурет, туда устанавливали ведро с ёлкой в мокром песке, которую парашютными резинками за ствол папа тщательно закреплял наперекрёст к ножкам табурета, чтобы она не упала. Мама драпировала всё белой тканью с дождиком, и начиналось самое прекрасное действие – украшение.

Игрушек было много, ещё от бабушки остались и уже современных купили. Из маминого детства вешали очень красивые стеклянные бусы – из стекляруса, из него же разные фонарики, велосипеды, шарики. Под ёлкой располагался картонный Дед Мороз, у которого шуба раскрывалась белой бумажной пеной, а на ветках развешивали стеклянные шары, фрукты, овощи, орешки грецкие, сосульки, фигурки космонавтов и героев сказок на прищепках прикрепляли к веткам – всего не перечислить. Вешали тогда всё на ниточках. Ещё не знакомы были со специальными приспособлениями для ёлочных игрушек.

Это пришло к нам позже, вместе с ёлочными украшениями из Германской Демократической Республики – ГДР, за которыми «охотились» в начале семидесятых все советские граждане. Было большой удачей «достать гэдээровский набор ёлочных украшений» с крючками для их развешивания. Смекалистый русский народ, посмотрев на них, приспособил для этого развёрнутую канцелярскую скрепку. Только потом, спустя годы, мы оценили всю красоту своих советских стеклянных новогодних игрушек ручной работы и росписи.

На верхнюю ветку обязательно надевали стеклянную «макушку» – два шарика и вытянутый конус-шпиль, у нас звезды не было. Эта верхушка и часть ёлочных украшений детства сохранились у меня до сих пор. Игрушки же прибавлялись каждый год. Нельзя было отказать себе в удовольствии купить что-нибудь сверкающее и блестящее на ёлку.

Когда я стала старше, лет с семи-восьми, мы с тётей, папиной сестрой, когда перед Новым годом приезжали её поздравить, обязательно ходили в большой универмаг, где я сама выбирала себе подарок

¹ Дочь Лебедева Владимира Ивановича – советского и российского психолога, одного из создателей новой отрасли психологии – космической психологии, экстремальной психоневрологии, возглавлял Отдел медико-психологической подготовки в Центре подготовки космонавтов (1960–1971).

² Сын Лебедева Владимира Ивановича.

на ёлку – три-четыре новогодних ёлочных украшения. В магазине было шумно и многолюдно, а под Новый год царил особенная предновогодняя суета, прилавки ломились от красивейших хрупких блестящих и сверкающих игрушек. Мне их запаковывали в шуршащий бумажный пакет, вкусно пахнущий краской от напечатанных на нём поздравлений с Новым годом и Дедом Морозом. Дома я аккуратно доставала новые шарики, сосульки, шишки, фонарики и развешивала это богатство на ёлке, ещё раз испытывая радость от обладания ими.

Какая же ёлка без лампочек? У нас были гирлянды из разноцветных лампочек жёлтого и синего цвета в виде свечек, которые «лягушкой» прикреплялись к веткам. Но они «горели», то есть светили, постоянно. И папа сам сконструировал и собрал несколько новогодних гирлянд из маленьких лампочек в форме цилиндров, сантиметра два в длину, покрасил их чем-то вроде лака в зелёный и розовый цвета, объединил в электрическую цепь, и они стали зажигаться поочерёдно – сначала розовые, потом зелёные, затем «покупные» – жёлтые и синие. В конце постепенных вспыхиваний, лампочки одновременно горели какое-то время все и так же поочерёдно гасли, волнами, и снова зажигались. Сейчас это обыденно и привычно – так работают все новогодние гирлянды, но более пятидесяти лет назад это было сравнимо с новогодним чудом. И мои подружки приходили специально посмотреть на это мигающее в темноте волшебство.

Мама же любила украшать ёлку вкусными «игрушками». Видимо, это из её детства: в шоколадных конфетах в красивых обёртках иголкой аккуратно продевала нитку, делала узелок и вешала на новогоднюю красавицу. Грецкие орешки и маленькие мандаринчики заворачивала в фольгу, наверху закручивала небольшую спиральку, тоже вдевала в неё нитку и за петельку развешивала. Гости всегда могли угоститься прямо с ёлки – съесть мандаринку или конфетку, и моим друзьям это очень нравилось. А вот орешек надо было щипцами раскалывать. Сказочного «Щелкунчика» не было, только обычные щипцы для орехов, но нас устраивало. Ещё мама очень любила «снежок» – в нескольких местах раскладывала кусочки белой ваты, которые лежали на еловых лапах, как пушистые комочки снега. И обязательно сверху до низу, от макушки до драпировки, всё было в струящемся «дождике» из фольги.

Из новогодней атрибутики пользовались популярностью хлопушки с сюрпризами – конфетти и маски, бенгальские огни, разноцветные серпантины. Только-только стали появляться большие стеклянные дутые шары с ручной росписью фосфорной краской, которая светилась в темноте. Нам нравилось снимать их с ёлки, когда взрослых рядом не было, заходить в ванную комнату и, затаив дыхание, смотреть на эту мерцающую красоту в темноте. Очень любили ходить в эти дни в гости, рассматривать и изучать игрушки, угощаться конфетами, фруктами, орехами. Любимое «предновогоднее» развлечение – взять цитрусовую шкурку, сжать её над свечкой или газовой конфоркой, чтобы брызнули масла, и – миллионы мелких «салютных» огоньков вспыхивают над огнём и мгновенно опадают, оставив шлейф вкусного аромата. Новогодний аромат нашего детства – это запах мандаринов и свежей ели.

Снег идёт, снег идёт, здравствуй, здравствуй, Новый год!

Мне очень нравится шутка про нашу зиму и африканского студента: когда ему задают вопрос о том, как ему русская зима, то он отвечает, что зелёная – более-менее, а белая – очень холодная. Нам же очень нравятся наши зимы и смена времён года. Даже зимой в мороз самым любимым лакомством для детей было и остаётся мороженое. Кто не кушал на морозе в детстве мороженое, наш вкуснейший в мире пломбир в вафельном стаканчике? А чистый снежок не жевал или сосульки не лизал? Про прилипший до крови язык к алюминиевым санкам уже не говорю, бывало и такое. Всё познавалось методом проб и ошибок: растирание варежкой или снегом подмёрзших и побелевших на морозе щёк – мы учились жить с морозом дружно и приспособливаться к его нраву. С детства узнали, что красные щёки на морозе – это нормально, а если побелели – то срочно надо бежать домой.

В детстве время от одного Нового года до другого почему-то тянулось очень долго, а встретив, уже буквально через неделю предвкушали следующий и начинали его ждать: что он нам принесёт, какие сюрпризы и дары приготовит. Один же подарок от Деда Мороза мне запомнился на всю жизнь, это было ещё на Чкаловской, где мы жили до переезда в Звёздный.

Раздался звонок в дверь – пришёл Дед Мороз, а я уже легла, но, выскочив из постели, стремглав полетела к двери. Он стоял на пороге нашей квартиры в красной шубе и с огромным мешком. Дед Мороз глянул на меня, достал из мешка машинку и куколку – фигурку оранжевого космонавта с антенной на голове. И мне ласково говорит: «Вот тебе машинка. А где же твоя сестрёнка?» Я оторопело и недоумённо смотрела на него и на куколку в его руках, держа машинку, а потом, когда дошло, то разревелась: как он мог меня спутать с мальчиком? Я же к нему летела на крыльях радости! У меня была короткая стрижка, сама после болезни, очень худая, ещё и в пижаме, поэтому «дедушка», видимо, решил, что я – мальчик, а не девочка. Может, он уже был «угощён и согрет», а визит к нам был у него не первым. Меня долго родители утешали, сказав, что дедушка старенький, плохо видит без очков, машинка была для брата, а для меня – космонавт, он просто перепутал. Но детское огорчение осталось в памяти на всю жизнь.

В лесу родилась ёлочка

Все дети мечтают попасть на главную ёлку страны. Раньше это был Колонный зал Дома Союзов, мне мама рассказывала, как она однажды там побывала, а в нашем детстве – это Кремлёвская ёлка. Но поверьте «ёлчнику» со стажем, что если бы они хоть один разок побывали на нашей «космической» или «космонавтской» Ёлке, которую для нас устраивали родители в детстве во вставке в Звёздном, то дети всей планеты мечтали бы посетить только такую.

Подготовка к новогодним праздникам велась основательно. Родители покупали набор билетов на новогодние представления: Лужники, Старый цирк, Цирк на Вернадского (Новый цирк), Кремлёвский дворец, Колонный зал Дома Союзов и другие. Но главной и долгожданной для нас всегда была ёлка в нашем доме вместе с родителями во «вставке», которая, конечно, затмевала все остальные вместе взятые.

Впервые на Кремлёвской ёлке я побывала в 1967 году. И, пожалуй, именно первая произвела на меня самое неизгладимое впечатление. Во-первых, туда пускали только с семи лет, а я поехала с братом и другими ребятами из нашего дома уже в шесть с половиной, чем очень была горда. Подарки были необыкновенными по форме и содержанию. В первый раз я получила подарок не в картонной упаковке, как было обычно, а пластиковую сумочку в форме звезды, полную конфет. «Кремлёвские» подарки всегда были оформлены оригинально и упакованы в игрушку в форме ларца, сундучка, шкатулки, шара, ключа, башни – каждый год разное и что-то особенное, во что потом можно было, когда конфеты все съедены, играть. Полезная и незаменимая в детском хозяйстве вещь.

Конфетами нас было не удивить, даже самыми шоколадными-прешоколадными, но подарки действительно всегда были вкусными и с традиционным набором из года в год. Тем не менее «кремлёвскому» удалось подготовить сюрприз. Мне в подарок больше всего нравились «холодки» «Южные», не мятно-холодящие, а приятные сладко-кисленькие на вкус разноцветные квадратные конфетки-таблеточки. Такие у нас не продавали в магазине, поэтому они для меня были в диковинку. И маленькие круглые вафли-орешки в пакетике очень пришлись по вкусу. Все новогодние подарки в СССР были хорошего качества, отличались только весом и соотношением шоколадных конфет и карамели.

Очень впечатлило «первое» представление в Кремле. Мы весело плясали модный тогда у нас танец «Летку-енку», пришедший из Финляндии. Танцующие располагались цепочкой – «паровозиком» – по кругу, руки клали на талию или плечи предыдущего человека и прыжками передвигались в такт музыкальному сопровождению, отбрасывая в прыжке ноги влево и вправо попеременно.

Именно на своей первой Кремлёвской ёлке я впервые увидела и слушала «живьём» Эдиту Пьеху и Иосифа Кобзона. Перед спектаклем мы прогуливались по «дворцу», катались на эскалаторе. На каждом этаже шло своё представление. На одном – молодая Эдита Пьеха пела «Жил да был чёрный кот за углом» – молодая и красивая, в белом коротком платье с блёстками, в волосах тоже что-то переливающееся. Это было так красиво и празднично – музыка и «живой» голос самой Пьехи, которую я до этого видела только по телевизору. Ей аккомпанировала группа музыкантов, а она пела и пританцовывала. На другом этаже – Иосиф Кобзон – это было великолепно и незабываемо.

После «свободных хождений» по «кремлёвским коридорам» нас приглашали в зал уже на само представление. В билетах места не указывались, поэтому каждый садился там, где хотел или где

успел. Само представление шло минут сорок пять, как урок. Красочный, как теперь принято выражаться, новогодний шоу-спектакль. Мы звали «Новый год», которого похищали злые волшебники и инопланетяне, подсказывали хором из зала, где его искать, приглашали Деда Мороза по предложению Снегурочки.

Перед началом представления и после в зале показывали лучшие советские мультфильмы. Это сейчас в любой момент включил запись – и смотри себе мультики. В нашем детстве мы мультфильмы могли посмотреть только в кинотеатре и по телевизору, телевидение вещало не круглосуточно, и даже не было отдельных мультканалов. Всё только набирало обороты и развивалось, а упустить возможность посмотреть все серии «Ну, погоди!» или другие мультфильмы было бы непростительной ошибкой. Поэтому я с удовольствием на ёлке в Кремле смотрела мультики, которые очень любила. После представления мультфильмы показывали, полагаю, для разгрузки потока детей, чтобы не все одновременно хлынули за подарками и одеваться.

Космический Новый год

Я очень много видела по телевизору артистических капустников. Но ни один из них даже близко для меня не сравнится с теми, что были у космонавтов на Новый год. Новый год первые космонавты встречали всегда вместе и очень весело. Подготовка к празднику начиналась уже в конце октября или начале ноября. Родители сами всегда придумывали сценарий. Новый год проходил в форме весёлого концерта-«капустника», причём только своими силами, без новомодных тенденций с приглашением «звёзд» для увеселения публики. Такой формат предложил в своё время Ю. А. Гагарин, и продолжалось так долгое время, пока были молоды и задорны наши родители – все вместе, озорно, с огоньком и по своему сценарию. Обязательно выпускали весёлую стенгазету. Космонавты обладали отменным чувством юмора, многие хорошо пели и танцевали, другие – великолепно рисовали. Они обсуждали скетчи, репризы или даже целые мини-спектакли, готовили реквизит, костюмы, что-то шили и изготавливали сами из подручных средств, иногда брали напрокат.

Самое ценное и важное в нашей жизни в Звёздном было то, что всегда и во все общественные дела были вовлечены и мы. В приготовлениях к Новому году дети были полноправными и очень важными участниками праздничной мистерии. Мы сновали по этажам и между двух домов как посыльные или курьеры. Очень хотели быть полезными, готовы были услужить и выполнить любое поручение. Передавали нужные в том или ином месте карандаши, бумагу, часть костюмов или реквизита, бегали на посылках и по заданию любого взрослого, очень были горды, что тоже принимаем участие, помогаем в подготовке к такому важному событию – встрече Нового года.

Знаете, есть такой номер, когда двое людей изображают корову. В 1973 году вышел фильм «Эта весёлая планета» про инопланетян и Новый год в НИИ, куда они попали. Кто-то сказал, что он похож на фильм-концерт, не очень яркая сюжетная линия. А я в него влюбилась сразу: у меня было ощущение, что авторы картины подсмотрели один из наших Новых годов в Звёздном городке. Особенно впечатлил в фильме номер с коровой. Дело в том, что точно такой же костюм и номер, но годом ранее, был на «космический» Новый год у родителей.

Накануне праздника, возвращаясь из школы, я встретила дядю Виталия Жолобова¹ и дядю Юру Глазкова² у нас на первом этаже у ёлки (в фойе дома всегда ставили и наряжали ёлку), очень расстроенных. Они грустно крутили костюм коровы и о чём-то переговаривались. Там что-то распоролось, срочно надо было починить перед генеральной репетицией. И почему-то, как назло, никого, кто мог это сделать срочно, в тот момент дома не оказалось. Я сказала, что это совсем не беда, всё сейчас им быстро починю. Они были в таком изумлении, что ребёнок может помочь. В школе очень хорошо преподавали домоводство, поэтому состроичить по прямой я умела. После «ремонта» коровы они побежали репетировать и потом моим родителям «объявили благодарность» за моё участие. Папе с мамой это было очень приятно.

Вечером 31 декабря, часов в девять-десять, во вставке начинали накрывать праздничные столы. Для этого приглашали поваров и официанток из лётной столовой. По всему дому разливались аро-

¹ Лётчик-космонавт СССР В. М. Жолобов.

² Лётчик-космонавт СССР Ю. Н. Глазков.

маты праздничной еды. Новый год мы, дети, встречали дома, ну а утром 1 января, часов с семи, уже начинали собираться на свой праздник.

Дед Мороз устал с дороги, но с детишками не строгий

Тяжёлое это было испытание для родителей, особенно для тех, у кого не было помощников в виде бабушек. Папы и мамы возвращались под утро – часов в пять, в начале шестого. А тут уже и мы через час-другой просыпались и начинали отсчёт до начала нашего новогоднего праздника. Постоянно смотрели время и спрашивали бабушек, не пора ли идти – как же медленно и вяло двигались эти стрелки. Нарядные и причёсанные, мы сидели на низком старте часов с восьми утра и перезванивались по телефону друг с другом.

Новый год во вставку начинался для нас обычно где-то в девять тридцать. Утратив уже всё терпение к половине девятого утра, спускались на первый этаж и развлекались в фойе у ёлки. Наконец, ответственная за нашу «ёлку» Снегурочка (жёны молодых космонавтов, недавно пришедших в отряд, тянули жребий, кто будет вести детский праздник) приглашала всех во вставку, где уже ждал накрытый праздничный стол – пирожные, лимонад, конфеты, разные пирожки, мясные нарезки, бутерброды с икрой, чай, какао, фрукты и много ещё чего. Мы рассаживались и завтракали все вместе, а после начинался сам праздник.

Мы водили хороводы, традиционно звали Деда Мороза, который, как всегда, задерживался. Запомнился один год, когда Дедом Морозом был дядя Толя Воронов¹, тоже космонавт, но не слетавший. Папа даже как-то готовился с ним в экипаже, но потом их переформировали. Как обычно, долго звали Деда Мороза, наконец он появился и сказал: «Я очень долго шёл к вам, дорогие дети, через поля и леса, снега и льды, слегка заблудился, поэтому очень устал в дороге и хочу посидеть отдохнуть». Снегурочка дала ему стул, он сел, опёрся на посох, а мы ему «представляли» свой «концерт». Дедушка «устал» так, что даже умудрился немного подремать во время нашей «культурной программы». Когда мы закончили свои танцы-песни и стихи, он нам вручил подарки с помощью Снегурочки.

После полудня подходили уже и родители. С их приходом начиналось вновь веселье: в кинозале крутили мультфильмы, мы играли в бильярд сами или смотрели за игрой взрослых, пели и танцевали, просто бегали, дурачились. Родители завтракали, общались с нами и друг с другом, мы могли, если проголодались, вместе с ними снова посидеть за столом, поесть мороженое, которое присутствовало обязательно на Новый год. Этот первый праздничный день был самым весёлым и многообещающим в году, а самое главное было то, что мы все вместе – одна семья.

¹ Космонавт-испытатель второго набора ВВС (1963) А. Ф. Воронов – космических полётов не совершал.